

Цзян Хуай даже век не поднял, направившись к стоявшим неподалеку четырем разноцветным мусорным бакам. Желтый Ежик не успел договорить, как раздался оглушительный грохот — «БАМ!». Цзян Хуай с размаху пинул зеленый контейнер. Небольшой пластиковый бак отлетел вместе с крышкой. Лицо Желтого Ежика мгновенно изменилось, но отскочить он не успел — лишь отступил на полшага, когда мусорный бак врезался ему прямо в ноги.

От удара Желтый Ежик не удержал равновесие и грохнулся прямо на задницу. Зеленый бак перевернулся, и из него с грохотом вывалилась куча отходов.

Бо Цзянь мазнул взглядом по надписи на зеленом баке.

Пищевые отходы.

Желтый Ежик сидел посреди огрызков, яичной скорлупы и гнилых капустных листьев. От одного взгляда на это зрелище подступала тошнота.

Желтый Ежик в полном оцепенении уставился на тошнотворную кучу вокруг. Мерзкое чувство чего-то липкого и гнилого под ладонями вызвало у него мороз по коже:

— Сученыш, мать твою в рот!

Он вскочил на ноги и с занесенным кулаком рванул прямо к лицу Цзян Хуая.

Цзян Хуай лишь презрительно фыркнул и легко уклонился от удара.

Кулак Желтого Ежика рассек воздух. Он хотел замахнуться снова, но от собственного тела шло такое зловоние, а к подошвам, казалось, прилипли прокисшие рисины, что все внутри сжалось от отвращения. Сжав зубы, Желтый Ежик злорадно размял запястья:

— Ну ладно, крутой, значит?

Сейчас как раз закончились уроки, и мимо проходило немало учеников Четвертой школы. Многие останавливались, косились на них и шептались.

Скрестив руки на груди, к ним подошел Рассеченная Бровь. Он мазнул взглядом по Желтому Ежику, а затем перевел взор на Цзян Хуая:

— Слыхал, тебя зовут Цзян Хуай?

Мимо проходили несколько высоких парней. Шедший впереди накинул куртку на плечо:

— О, брат Ли? — Он с удивлением посмотрел на испачканного Желтого Ежика, а затем на Рассеченную Бровь. — Что тут происходит?

Четвертая школа славилась своим резким расслоением. Учились здесь дети богатых родителей: отличники вытягивали показатели поступаемости всей школы, а двоечники, не способные поступить ни в один приличный вуз, в выпускном классе просто уезжали за границу. Дисциплина была отвратительной, а поклонение деньгам — повсеместным.

В отличие от Второй школы. Вторая школа славилась строгой дисциплиной и считалась местом для примерных учеников.

Бо Цзянь скользнул взглядом по хулиганам и равнодушно подумал: к счастью, во Второй школе подобного сброда почти нет.

А Цзян Хуай был среди них настоящим вожаком.

Настоящий лидер — слава о нем докатилась даже до Четвертой школы.

Рассеченная Бровь ухмыльнулся и уставился на Цзян Хуая:

— Слыхали об Альфе из Второй школы, который избил и пытался изнасиловать Омегу из своей же школы?

— А то! Дерзкий тип, жаль только, до конца дело не довел.

— А тот Омега разве не перевелся к нам? Как его бишь... Сун как-то там?

— Сун Цзюнь, — Рассеченная Бровь облизнул губы и уставился на Цзян Хуая, точно ядовитая змея. — А этот парень с хвостиком и есть тот самый Альфа. — Он повернулся к остальным: — Гао Фан, помогите-ка мне. Этот щенок юркий... Поймайте его, а я покажу ему, чем на самом деле должен заниматься настоящий Альфа.

Изначально Рассеченная Бровь просто положил глаз на Сун Цзюня, а тот попросил прижать Цзян Хуая, на что тот и согласился.

Но теперь дело было уже далеко не в Сун Цзюне.

Сун Цзюнь стал неважен. Цзян Хуай заставил его потерять лицо, да еще и сам пришел... И теперь один вид Цзян Хуая вызывал у него дикое раздражение.

Настоящий Альфа должен уложить на лопатки любого Альфу, который встает у него на пути. Заставить встать на колени, молить о прощении как собаку и убираться прочь, поджав хвост.

Гао Фан оглядел Цзян Хуая и оскалился:

— Идет. Псу из Второй школы самое место во Второй школе — вот пусть туда и катится.

Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Считая измазанного в отходах Желтого Ежика, их было шестеро.

Несколько парней скинули с себя форму Второй школы.

Цзян Хуай приподнял веки, быстро оглядел толпу и перевел взгляд на Бо Цзяня.

Бо Цзянь был в маске, закрывавшей лицо так, что видны были лишь прямая переносица и светлые глаза.

В следующий миг Цзян Хуай схватил Бо Цзяня за запястье и бросил короткое:

— Бежим.

— ...

Рассеченная Бровь опешил, но тут же опомнился:

— Лови их! Их всего двое!

Цзян Хуай рванул вперед, увлекая Бо Цзяня за собой, и тут же отпустил его руку. Не проявив

ни капли добрососедской заботы, он бросил через плечо:

— Не отставай. Сцапают — вытаскивать не стану.

Бо Цзянь прибавил ходу, держась на полшага позади:

— Если меня поймают, разве в этом будешь виноват не ты?

Цзян Хуай:

— Вот с теми долбоебами и выясняй, мне не гуди.

Бо Цзянь:

— ...

Они неслись по длинной улице, лавируя в толпе. Ни один из них не оглядывался, но тяжелый, хаотичный топот за спиной слышался предельно отчетливо.

Словно за ними гнались убийцы. Впрочем, так оно и было — их преследовала целая орава.

За всю свою жизнь Бо Цзянь ни разу не оказывался в положении, когда приходилось со всех ног уносить ноги из-за собственной вины.

Впрочем, до этой самой секунды ничего не изменилось: его просто втянул Цзян Хуай.

Желтый Ежик бежал сзади. С каждым шагом ему казалось, что с него осыпаются гнилые листья и прокисший рис. От этой мысли его выворачивало наизнанку, так что постепенно он плелся самым последним, сильно отстав от первых двоих.

— Блядь, да эти уродцы что, реинкарнация борзых? Какого хера они так несутся... — Желтый Ежик окончательно перешел на шаг. — Бегите без меня, я хоть одежду обрызгаю, тошнит уже сил нет.

Цзян Хуай на бегу умудрился выудить из кармана маску и натянуть ее:

— От тебя туалетной водой несет так, что дышать нечем.

— Ты сам меня обрызгал. Спасибо за комплимент, — отозвался Бо Цзянь.

Цзян Хуай косился по сторонам:

— Эх, была бы тут поблизости стена.

Бо Цзянь отлично понял, к чему тот клонит. Если бы Цзян Хуай сиганул через забор с той же легкостью, с какой прыгал из окон школы, за ним не угнался бы никто — хоть шестеро, хоть шестьдесят человек, хоть вся Четвертая школа целиком.

Но вдоль улицы тянулись сплошные витрины магазинов. Дорога была настолько ровной, что казалось, городские власти стремились заделать даже малейшие щели между тротуарными плитами.

Бо Цзянь поинтересовался:

— Ты паркуром занялся потому, что тебя постоянно кто-то лупит и приходится драпать?

Помолчав пару мгновений, Цзян Хуай буркнул:

— Заткнись.

Пробежав целый квартал, Рассеченная Бровь со своими парнями уже едва не выпускали дух.

Беглецы впереди задали такой темп, что преследователям приходилось мчаться со скоростью стометровки, иначе парни просто исчезли бы из виду. Но длина квартала составляла несколько сотен метров!

— Сука!

— Брат Ли... Может, тачку поймаем?

— ??

А двое впереди тем временем спокойно продолжали разговор.

Бо Цзянь повернул голову:

— Этот Сун Цзюнь... твоя первая любовь?

— ...

Бо Цзянь никогда не видел Сун Цзюня. А если и видел, тот не оставил никаких примечательных воспоминаний. Он лишь краем уха слышал о громкой истории, произошедшей во втором полугодии первого класса старшей школы, которая закончилась дисциплинарным взысканием для Цзян Хуая и переводом Сун Цзюня в другую школу.

Чтобы заставить такого человека, как Цзян Хуай — спавшего на всех уроках и абсолютно равнодушного к окружающему миру, — попытаться временно замаркировать Омегу другой гендерной принадлежности... Бо Цзянь мысленно набросал смутный образ Сун Цзюня:

— И что тебе в нем понравилось? Он настолько красив?

Цзян Хуай наконец тоже обернулся к нему:

— Пообещай мне завалить ебальник, ладно?

Но Бо Цзянь на этот раз не умолк.

— Мне просто любопытно.

Цзян Хуай ничего не ответил.

— Любопытно... какие люди тебе нравятся, — добавил Бо Цзянь.

Цзян Хуай проигнорировал его. Они миновали еще полквартала, и витрины магазинов вдоль тротуара сменились высоким, метра два-три в высоту, металлическим забором на каменных тумбах. Цзян Хуай заскочил на тумбу, ухватился за узкую перекладину между острыми пиками решетки и, ловко подтянувшись на прутьях, перемахнул на другую сторону.

Бо Цзянь без колебаний последовал за ним.

За забором оказался жилой комплекс.

Рассеченная Бровь с парнями прибежали к забору и своими глазами увидели, как беглецы перемахнули через верхушку решетки.

Один из парней посмотрел на острые металлические шипы наверху, и у него аж в паху похолодело:

— Брат Ли, может, не попремся через забор?.. У комплекса же главный вход есть.

— Блядь, пока мы до главных ворот дотащимся, Цзян Хуай хрен знает куда свалит!

Цзян Хуай пробежал немного по территории комплекса и остановился.

Эти придурки их уже не догонят, да и толку им сюда лезть — перемахнуть через стену для Цзян Хуая было делом двух секунд.

Он снял маску, оперся о ствол платана и медленно опустился на корточки, слегка запыхавшись. Неизвестно, устал ли Бо Цзянь, но сам Цзян Хуай от такого затяжного спринта выдохся.

Бо Цзянь подошел, встал рядом и протянул ему пачку салфеток.

Она все еще хранила тепло его тела.

Председатель Бо был настолько привередлив, что даже учебники окуривал благовониями для избавления от посторонних запахов, но его салфетки оказались без ароматизаторов. Цзян Хуай вытащил одну и вернул пачку.

Сложив салфетку пополам, он вытер взмокшие ладони:

— В Сун Цзюне было нечто такое, что меня привлекало.

Бо Цзянь на мгновение замер. Выждав паузу, он спросил:

— Что за черта?

Цзян Хуай поднялся на ноги, скомкал салфетку и безмятежно забросил ее в мусорный бак:

— Черта мусора.

Бо Цзянь:

— ...

Цзян Хуай запрокинул голову, раздался легкий хруст шейных позвонков. Размяв запястья, он пошагал вперед:

— Пошли. Ты же хотел, чтобы я угостил тебя обедом?